

ГЕОСТРАТЕГИЯ И МИФОЛОГИЯ МЕСТ

ИНТЕРВЬЮ С ДМИТРИЕМ ЗАМЯТИНЫМ

Географ, культуролог, доктор культурологи, основоположник гуманитарной географии и образной (имажинальной) географии, автор концепции метагеографии, руководитель Центра гуманитарных исследований пространства Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия им. Д. С. Лихачева

Любовь Ульянова: Уважаемый Дмитрий Николаевич, что такое сакральная география как научное направление? Как оно связано с изучением проблем коллективной памяти, общенациональной идентичности?

Дмитрий Замятин: В первую очередь, необходимо отметить, что сакральная география как научное направление существует в нескольких плоскостях. С одной стороны, в течение последних 100–150 лет она развивается в паранаучной плоскости в лоне традиционализма, который может брать на вооружение некоторые научные методологии, но при этом иметь огромные политические последствия. Скажем, как немецкая сакральная география 1920-х годов стала инструментом идеологической манипуляции нацистами в Германии и в некоторой степени фашистами в Италии.

С другой стороны, есть и сакральная география как научное направление. При этом она не институционализирована в рамках официальных дисциплин, будь то история или география, мы почти не находим в официальных программах университетов такого предмета, и она в основном существует где-то внутри неформальных сообществ историков и географов. Кроме того, сакральная география является частью такого серьезного научного направления как историческая география, в рамках которой

множество работ посвящены именно сакральным «картам».

Для формирования любой сакральной географии и любой сети сакральных мест важен миф. Миф неизбежен и для архаичных обществ, традиционных обществ, и для обществ посттрадиционных. Для России сакральная географическая стратегия имеет большое значение. Но с одной оговоркой — не только православие формирует сакрально-географическую основу нашей страны, но и буддизм, и ислам. Есть сакральная география малых народов севера, у которых своя мифология, свой фольклор, и хотя многие из них приняли православие, тем не менее существуют коренные локальные мифологии, не имеющие отношения к православию.

ЛУ: Какова роль современного государства в создании сакрально-географический карты страны?

ДЗ: Государство в эпоху глобализации уже не имеет прежнего значения, которое имели империи и национальные государства даже столет назад. После Второй мировой войны институциональные государственные рамки играют все меньшую роль. Что приходит им на смену? Различные сообщества — корпоративные, бизнес-сообщества или даже тайные сообщества — но в любом случае государство остается внешней рамкой.

ДЛЯ ФОРМИРОВАНИЯ ЛЮБОЙ САКРАЛЬНОЙ ГЕОГРАФИИ И ЛЮБОЙ СЕТИ САКРАЛЬНЫХ МЕСТ ВАЖЕН МИФ

В эпоху, когда господствуют сетевые представления и действуют различные сообщества, которые ориентированы не только на государственность, надо себе отдавать отчет, что любая государственная политика имеет ограниченный характер. Государство должно ловить смыслы и форматировать их, но не продуцировать.

Есть еще одна проблема современной эпохи — это мощнейшая профанизация обществ и их десаκραлизация. Падает значение традиционных религий, падает значение традиционных сакральностей. Возникает настоящий дефицит сакральности. На мой взгляд, заполнить эту пустоту, актуализируя память о различных религиозных событиях, в долгосрочной перспективе невозможно. Можно уважать традиционные религии, поддерживать их, но не стоит предполагать, что они будут играть ту же роль, что и двести лет назад.

Судя по всему, зазор, вызванный отсутствием сакральности, будет возрастать, и пока непонятно, чем его заполнять.

В этих условиях сакральная география играет крайне важную роль. Она фиксирует некие места, некие топосы, в которых действительно собраны некие сакральные смыслы — имеют ли они традиционное происхождение и связаны с религиозной жизнью, или с иными событиями, имевшими региональное или общенациональное значение.

ЛЮ: Какую политику должно проводить российское государство в сфере коллективной памяти?

ДЗ: Для России многие процессы сакрализации не завершены по отношению к отдельным событиям прошлого. До сих пор, несмотря на попытки выстроить советскую историю, историю Гражданской войны, историю XX века существует много альтернативных версий.

Миф — повествование, передающее представления людей о мире, месте человека в нём, о происхождении всего сущего, о богах и героях. Преобладание мифологического сознания относится главным образом к архаической (первобытной) эпохе и связывается прежде всего с её культурной жизнью, где миф играл определяющую роль.

Десаκραлизация — обесценивание сакральных (священных) образцов, религиозных представлений, мировоззренческих установок и т.д. В условиях доминирования сторонников какого-либо одного культа десаκραлизация применяется и как прием борьбы с другими культами.

Внутри России очень много конфликтных, противоречивых сакральных интерпретаций один и тех же территорий и событий. Понятно, что государство хочет выстроить единую правильную версию. И хотя это невозможно, любое государство должно иметь свою политику в области коллективной памяти.

Мне кажется, сегодня очень важно наращивать и нарабатывать новые мифы как в целом для страны, так и для отдельных ее территорий.

ЛЮ: А как исторически формировалась сакральная карта России? Какие здесь есть возможности для создания и поддержания общенациональной идентичности?

ДЗ: Единство русской нации, российского народа было сформировано как конструкт в течение XIX — начала XX веков. Именно тогда были зафиксированы основные ценности, набор икон национальных символов и событий, которые создали сакральный пантеон — Куликовская битва, Бородинская битва, иконы, великая русская литература, русский балет и т.д. Формирование пантеона по инерции продолжалось и в советскую эпоху, пополнившись событиями в виде победы в Великой Отечественной войне, выхода космос и т.д.

Для современной России важно создание некоего нового мифа, причем не только связанного с российской государственностью. В долгосрочной перспективе речь должна идти о некой мощной территориальной солидарности на огромных пространствах Северной Евразии. Это означает, что Россия не может консолидироваться только на базе какой-либо религии. Необходимо развивать территориальное сакральное сообщество на другой основе. У меня сейчас нет готового решения, но территориальное сакральное единство Северной Евразии гораздо интереснее, чем просто национальное единство России. На мой взгляд, сегодня очень перспективным является миф Арктики и Севера. В 2015 году выходит новый фильм «Территория», снятый по одноименному роману советского писателя Олега Куваева. События происходят примерно в 1959–1961 гг., речь идет о геологах, которые работают в Арктике, Чукотке и открывают новые месторождения золота. По сценарию, в конечном итоге, происходит совмещенная трансляция мифа освоения новых территорий и мифа освоения космоса, потому что в финале фильма они находят такое долгожданное

золото и одновременно в космос летит Гагарин. Понятно, что это некий искусственный финал, но для фильма это важно — два мифа сливаются в один, ведь выход в космос — это тоже освоение новых территорий, это миф первопроходцев, миф фронта.

Для России основная геоидеологическая и геомифологическая проблема — максимально дистанцироваться от европейского мифа и спокойно вырабатывать миф Зауралья, миф огромных евразийских территорий, миф Северной Евразии. До сих пор Россия кучкуется, находится в зоне Европы, в зоне европейских идеологий. Тогда как основная проблема, что уже почти 400 лет назад присоединенные территории Сибири и Дальнего Востока до сих пор идеологически и мифологически не оформлены. Нет ничего, кроме первоначального мифа о Ермаке. Эти территории должны быть, наконец, образно, мифологически освоены Россией. Россия должна превратиться в трансазиатскую страну, настоящую евразийскую страну.

ЛЮ: Каковы функции мифа в современном обществе?

ДЗ: В современном обществе помимо традиционных мифов добавляются мифы, которые связаны с переживанием десакрализованных событий, профанизированных событий, событий, связанных либо с военными событиями, либо какими-то катастрофами, как социальными так и природными. Как правило, это либо мифы о спасении (реинкарнация традиционного мифа), либо мифы о герое, культурном герое, военном герое, политическом.

Культурный герой хорошо известен в архаических мифах, он приносит письменность, огонь, вспомним Прометея. Скажем, что такое освоение новых территорий, миф фронта? Это тоже, по сути дела, культурный или военный герой, который приходит на пустое место и дает ему смыслы. Основная проблема — это создать такой миф, чтобы он был интересен сообществу, чтобы оно его приняло и считало его своим. Ни одна территория, ни одно сообщество не может жить без мифа — либо скрытого, полускрытого, либо явного, явленного различными репрезентациями, представлениями. Пусть это будет в современных формах — видео, книга, блокбастер, пусть это будет блог в сети, но в любом случае он должен быть.

НИ ОДНА ТЕРРИТОРИЯ,
НИ ОДНО СООБЩЕСТВО
НЕ МОЖЕТ ЖИТЬ БЕЗ
МИФА – ЛИБО СКРЫТОГО,
ПОЛУСКРЫТОГО, ЛИБО
ЯВНОГО, ЯВЛЕННОГО
РАЗЛИЧНЫМИ
РЕПРЕЗЕНТАЦИЯМИ,
ПРЕДСТАВЛЕНИЯМИ

ЛУ: А каким образом выглядит европейская карта «мест памяти»?

ДЗ: Многие из европейских «мест памяти» связаны с традиционными религиозными аспектами, а также с событиями историческими, чаще всего военными. В истории такой маленькой страны как Швейцария есть такое сакральное место как луг Рютли, это небольшая долинка, на которой в XIII веке все общины Швейцарии давали клятву, что они отстают независимость перед Габсбургами. Все кантоны заявили, что они вместе и едины, и дадут отпор Габсбургам. Впоследствии луг Рютли стал символическим местом. И во время Второй мировой войны, когда возникла угроза захвата Швейцарии немецкими войсками, швейцарское федеративное правительство собрало все кантоны и провело торжественную церемонию на луге Рютле — парад швейцарских войск, это было важно для осознания националь-

ного единства страны. Все швейцарцы, в том числе немецкоязычные, сплотились вокруг этого «места памяти». И это важнейшее событие в истории уже современной Швейцарии. В европейских странах есть сакральные места, связанных с примирением. Скажем, для Испании факт Гражданской войны конца 1930-х гг. сейчас отражен в общем мемориале, который как бы примиряет обе стороны противостояния. Наличие такого мемориала очень важно для современного сознания испанцев.

Любое культурное наследие — это не только деятельность, обращенная в прошлое. Это переосмысление того, что было в прошлом, в будущее, это означает, что надо постоянно искать какие-то инновации и работать над собственным культурным наследием.